

Т. Б. Сиднева¹

ДИАЛОГ ТРАДИЦИОННОГО И СОВРЕМЕННОГО В ИСТОЛКОВАНИИ ГРАНИЦ ИСКУССТВА

Современное пространство культуры, в котором происходит постоянная миграция смыслов и форм, рвутся всевозможные барьеры и преодолеваются традиционные представления, открывает новую значимость проблемы границ. Категории «граница», «рама», «порог», «предел» сегодня активно обсуждаются в самых разных сферах знания. Особую их злободневность обнаруживает искусство — как в самих художественных опытах, так и в арт-критике и науке. Причем в равной степени аргументированны и попытки «пересечь границы, засыпать рвы» (Л. Фидлер), и стремление установить жесткие пределы возможного, допустимого, приемлемого.

Одинаково актуальными стали лозунги о «растворении искусства в общей эстетизации повседневной жизни» (Ж. Бодрийяр), о том, что «художник может существовать сегодня где угодно, только не на территории искусства» (О. Кулик), и — о возврате искусства к своей суверенности, изолированности, автономности. Весьма типичную для последнего времени точку зрения высказывает Б. Гройс: «Возможно, мы присутствуем при исчезновении искусства как гуманитарного феномена — подобным образом когда-то исчезли алхимия или астрология»².

В то же время представление об уникальности современного состояния вопроса рушится под грузом исторических фактов. Закат постмодернизма, утратившего свою провокативность и новизну, обнаружил его близкое родство с поздним эллинизмом, кризисным периодом ренессанса, с постсимволизмом и тому подобным и занял место в ряду многократно возникавших рецидивов пост-явлений в искусстве, со свойственной им демократизацией, интертекстуальностью, цитатностью, деконструкцией.

История культуры со всей очевидностью подтверждает подвижность границ искусства и неискусства, утвердившуюся как необходимое условие развития искусства, как зона «брожения», эксперимента и прорыва к новым эстетическим реалиям. Дискуссии о пределе возможного и допустимого, о взаимоотношениях художественного и иных типов сознания (обыденного, нравственного, политического, религиозного, научного и т. д.) стали своеобразным лейтмотивом эстетических рефлексий в разные эпохи. В этом смысле оказываются связанными невидимыми нитями, казалось бы, весьма далекие друг от друга позиции.

Так, ригоризм Платона с его стремлением установить жесткий регламент художественно допустимого резонирует с догматическими канонами средневековья, эстетикой «школьных кодексов» классицизма,

«охранительством» теоретиков академизма, идеологическими нормами соцреализма. А убежденность Ж. Бодрийяра в самоисчерпании искусства, которое «растворилось не в возвышенной идеализации, а в общей эстетизации повседневной жизни», «исчезло, уступив место чистой циркуляции образов»³, имеет глубокое родство с позицией Гегеля в определении конца истории искусства. Для обоих философов главной причиной разрушения границ искусства являются его имманентный самораспад, «растворение» художественного опыта в предельной чувственности. Момент эмансипации внешнего материала, торжество самодовлеющей предметности, обыденности и эмпиричности, отмеченные Гегелем, оказываются в одном русле размышлений о симптомах растворения искусства в повседневности, выявленных философом конца XX столетия.

Размышляя о значении границы в культуре, Д. С. Лихачев отмечает двойственность этого феномена. С одной стороны, граница — наиболее творческая сфера диалога, взаимного обогащения. Но с другой — это область неприятия «другого». Граница является рубежом, объединяющим и разделяющим, она может быть понята «как путь оформления собственной самобытности, собственной оригинальности»⁴. Исследователь подчеркивает, что самосознание воспитывается на границах культур. Для понимания специфики искусства эти рассуждения имеют принципиальный характер.

Погруженность искусства в социальное бытие обусловила напряжение его пограничных отношений с наукой (когда его определяли как «недонауку», дающую приблизительное знание), с этикой (нередко представляя его как прикладную сферу, «путеводитель к подлинной нравственности»), с религией (определяя пределы художественно допустимого границами религиозного канона), политикой (превращая его в рупор злободневных политических идей). Непреходящее значение в русле обсуждаемого вопроса имеет суждение Э. Ильенкова: «Одну форму сознания вообще рискованно превращать в критерий суда над другой формой сознания — это всегда чревато тяжкими “судебными ошибками”»⁵.

В то же время представление об искусстве как некоей «башне из слоновой кости», также многократно актуализировавшееся в истории, его отграниченность от «чужих», нехудожественных, смыслов обрабатывались неизбежным отказом от его природы и специфики.

Важнейшим, исходным фактором отделения искусства от неискусства и одновременно показателем его открытости, сопряженности с другими сферами

¹ Проректор по научной работе, заведующая кафедрой философии и эстетики Нижегородской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 90 научных публикаций, посвященных изучению проблем культурологии, эстетики, истории культуры России.

² Литичевский Г. В чем сущность искусства // Художественный журнал. 1993. № 2.

³ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2006. С. 20.

⁴ Лихачев Д. С. Два типа границ между культурами // Лихачев Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет : в 3 т. СПб., 2006. Т. 3. С. 47.

⁵ Ильенков Э. В. Гегелевская концепция истины // Ильенков Э. В. Искусство и коммунистический идеал. М., 1983. С. 326.

культуры является язык искусства, который «создает особый фикциональный мир, живущий по своим собственным законам, не тождественным законам действительности»¹, и вместе с тем резонирует с общекультурными смыслами и структурами. Расширение языкового пространства искусства — непрерыв-

ный и необходимый процесс, обусловленный поиском адекватного художественно-метафорического, чувственно-ценностного осмысления внехудожественных сфер. Это и доказывает неизбежную двунаправленность «открытости—закрытости» границ искусства.

¹ *Рымарь Н.* Бахтинская концепция архитектоники эстетического объекта и проблема границы «искусство / не искусство» // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. Философия. Филология. 2006. № 1 (4). С. 255.